

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.12>

Кабулова Гаяна Согратовна

[Судьба художника в поэтической интерпретации современных осетинских писателей \(на материале творчества А. М. Кодзати и Ш. Ф. Джикаева\)](#)

В статье рассматривается своеобразие интерпретации образа художника в поэзии А. М. Кодзати и Ш. Ф. Джикаева. Акцентируется внимание на анализе сюжетов, мотивов, раскрывающих личность и характер лирического героя, что продиктовано в первую очередь выбором материала для исследования - эстетические труды и художественные произведения осетинских писателей. Проанализированные стихотворения позволяют выявить отношение авторов к бренному миру, к трагичности судьбы художника. В работе установлено, что при создании произведений, посвященных образам мирового искусства, осетинские поэты опирались на определенные традиции, но смогли внести в раскрытие образов свежие, новаторские веяния.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/12.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 55-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.221.180.9

Дата поступления рукописи: 17.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.12>

В статье рассматривается своеобразие интерпретации образа художника в поэзии А. М. Кодзати и Ш. Ф. Джикаева. Акцентируется внимание на анализе сюжетов, мотивов, раскрывающих личность и характер лирического героя, что продиктовано в первую очередь выбором материала для исследования – эстетические труды и художественные произведения осетинских писателей. Проанализированные стихотворения позволяют выявить отношение авторов к бренному миру, к трагичности судьбы художника. В работе установлено, что при создании произведений, посвященных образам мирового искусства, осетинские поэты опирались на определенные традиции, но смогли внести в раскрытие образов свежие, новаторские вехи.

Ключевые слова и фразы: образ художника; тема искусства; художественное произведение; современная осетинская литература; А. М. Кодзати; Ш. Ф. Джикаев; Торквато Тассо; Винсент Ван Гог; Поль Гоген.

Кабулова Гаяна Согратовна, к. филол. н.

Северо-Осетинский государственный педагогический институт

gajana77@mail.ru

Судьба художника в поэтической интерпретации современных осетинских писателей (на материале творчества А. М. Кодзати и Ш. Ф. Джикаева)

Живопись – одна из форм искусства, при этом форма яркая и зримая. Мир живописных образов, мир художников, создающих нетленные произведения, издавна привлекал писателей. К теме искусства, к теме предназначения художника обращались в разных странах в разные исторические эпохи. Каждый писатель вносил в эту тему что-то свое, глубоко прочувствованное, но было и общее, что объединяет столь разных писателей, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, К. Л. Хетагуров, А. И. Царукаев, Ш. Ф. Джикаев и др.

Особую значимость в изучении обозначенной проблемы приобретает вопрос взаимосвязи эстетического и художественного творчества писателей, посвященного живописи. Постановку этой проблемы находим в трудах В. А. Никольского, Р. В. Дуганова, Г. Э. Лессинга, Т. Т. Техова, З. Н. Суменовой и др.

Актуальность работы определяется необходимостью создания целостной концепции взаимоотношений живописи и литературы в эстетике и художественном творчестве современных осетинских писателей.

Цель исследования – рассмотреть вопрос о том, как понимается тема предназначения художника в современной осетинской литературе.

Задачи исследования: определить, как показана судьба мирового художника в творчестве А. М. Кодзати и Ш. Ф. Джикаева; проследить, каким образом происходит взаимодействие вымысла и действительности в процессе создания биографических стихотворений.

Научная новизна заключается в том, что исследование биографических аспектов творчества деятелей мировой культуры в поэзии современных осетинских писателей ранее не являлось предметом специального исследования.

Искусство – традиционная тема мировой поэзии. Поэты разных эпох и народов стремились постичь через нее дух и своеобразие иных национальных культур, связь человека вообще и художника в особенности с историей и миром. Происходила «переключка гуманистических идей в литературах разных эпох» [9, с. 103], утверждалась преемственность художественных традиций мировой культуры.

В новое время, наследуя лучшие традиции собственных национальных литератур, «поэты обогащали свое творчество эстетическим опытом культуры других народов, вводя его в орбиту духовной жизни своего народа» [16, с. 207]. Исследователь З. Н. Суменова отмечает: «Обращение к именам корифеев прошлого являлось вместе с тем одним из способов постановки актуальных социальных, политических, нравственных и эстетических проблем своего времени, возможностью выразить с наибольшей полнотой чувства и настроения современников» [Там же, с. 210].

В творчестве современных осетинских писателей А. М. Кодзати и Ш. Ф. Джикаева тема искусства разрабатывается в аспекте трагической судьбы художника в социально несправедливом обществе.

Поэты изображают внутренний мир Торквато Тассо, Винсента Ван Гога и Поля Гогена в кульминационные, экстремальные моменты их жизненного пути, когда до предела обнажен их конфликт с «законом», тираном, обществом: прощается с белым светом Ван Гог, решивший покончить счеты с жизнью («Предсмертный монолог Ван Гога» А. Кодзати); подводит горькие итоги своей судьбы Торквато Тассо (сонет Ш. Джикаева «Торквато Тассо»); печально расстается с дорогим его сердцу островом Таити Гоген («Гоген на Таити» А. Кодзати). Стихотворения эти содержат схожую характеристику разных эпох и стран, близких судеб художников. И главная мысль, выраженная в них, – художник становится жертвой деспотизма в силу несовместимости добра и зла, тирании и свободного творчества: «Уыд Ром сæрибар зарæгæн – ингæн», – говорит Овидий [11, с. 67]; «Мæнгард дуджы иæй фарн – дзырд æмæ кады». / «В бесчестное время слово

и честь не приносят блага», – вторит ему Торквато Тассо [Там же]. Для римского поэта начала нашей эры и для голландского живописца конца XIX века жизнь равно представляется адом («Жалоба Овидия», «Предсмертный монолог Ван Гога»).

Хотелось бы коснуться проблемы исторической достоверности созданных нашими поэтами характеров. З. Н. Суменова, анализирувшая творчество осетинских писателей, склоняется к мысли о том, что «нельзя требовать от художника точного соответствия созданного им поэтического образа историческому прототипу» [16, с. 211]. История мировой литературы знает немало примеров того, как художник в соответствии со своим замыслом подвергал обработке жизненный материал. В стихотворении А. М. Кодзати «Предсмертный монолог Ван Гога» самохарактеристика героя содержит такие детали, которые не находят подтверждения в реальном жизнеописании великого голландского живописца.

«Æз а зæххыл хæтæнхауæг фæдæн.
Гæдыбындар. Мæ къонайæ – быныскъуыд.
Хъылма хуыдымыл баивтон мæ къæс.
Æмдзæхдон мын – гæвзыкк бындурдзыд адаем» [11, с. 61].

В новейшем исследовании жизни и творчества Ван Гога говорится о том, что в его жизни не было никаких внешне экстраординарных событий, если не считать «недолгий опыт миссионерства и болезнь, в которой, впрочем, тоже нет ничего необыкновенного [7, с. 358]. Ван Гог не совершал далеких путешествий, не воевал, не участвовал в политической жизни, не дрался на дуэлях, не предавался романтическим похождениям, не был замешан в каких-либо авантюрах. Он не подвергался гонениям – его попросту не замечали. Он даже не знал настоящей нищеты – помощь Тео (брата) неизменно удерживала его на грани. Он, в сущности, не был и так уж беспредельно одинок, как иногда представляют, – у него всегда были друзья, пусть и немногие. Исходя из приведенного свидетельства, мы могли бы упрекнуть поэта в неточности изображения реальных фактов жизни художника. Однако подлинное произведение искусства не может быть иллюстрацией каких-либо событий и положений – оно рождает свой собственный поэтический мир, осваивает действительность по своим законам. Признавая психологическую достоверность изображенного поэтом внутреннего мира героя, стоящего на исходе своего земного существования, возможно истолковать присутствующие в стихотворении внешние приметы его жизни как метафору, которая обозначает «тернистый путь художника, надорвавшегося в неравной борьбе с враждебными обстоятельствами» [Там же, с. 137], и отражает не бытовое, житейское одиночество героя, а состояние его духа, тягостное сознание своей непонятности современниками. Вечный трагический конфликт художника и публики решается в стихотворении в образах древней восточной притчи о пророке:

«Мæ игарæй зæххы чъызитæ марзтой,
Мæныл та сбадти зондцухы ном кад».

Последняя строка неоднозначна: в бытовом смысле художник действительно страдал душевным недугом, но в широком философском плане герой стихотворения именно выглядел безумцем в глазах публики, потому что нес ей новое, необычное искусство, недоступное ее разумению.

Надвигающийся на Ван Гога неотвратимый ужас небытия, на которое он сам себя обрек, поэт психологически очень точно сравнивает с природной стихией, несущей гибель всему живому:

«О, сау хохы уæззау цъити нæргæ
мæ дзаджджын цард уынгаг коммæ фæласы!» [11, с. 67].

Но при этом художник находит в себе силы благодарить создателя за то, что тот дал ему насладиться светлой радостью творчества («сфæлдыстады рухс дзæнæт»), которую он уносит в своем сердце. Так, судьба Ван Гога в трактовке А. М. Кодзати становится символом трагической обреченности прогрессивно мыслящего художника в обществе.

Неприятие этого общества истинным художником раскрывается и в сонете А. М. Кодзати, посвященном другому выдающемуся европейскому художнику последней четверти XIX в. – Поллю Гогену «Гоген на Таити».

В отличие от Ван Гога, Гоген прожил сложную, неординарную жизнь, полную экзотики и драматических коллизий. В ней было много физических и моральных страданий, одиночества, предательства близких и друзей, но была борьба, радость творчества, общение с природой и культурой страны, удаленной от центров современной цивилизации. Оптимист по натуре, он черпал силы в общении с народом Таити, в борьбе за его свободу против колониальных властей. Как художник он обрел свой голос, восстав против всяческих догм в современном ему искусстве, идя своим – новаторским – путем.

В стихотворении, о котором пойдет речь, отражен один из невеселых моментов в жизни Гогена – его отъезд в Европу после первого посещения Океании. Оно пронизано грустным настроением прощания с тем «светлым миром, который на короткое время открылся ему на Таити, но который тоже был омрачен следами “цивилизации”» [10, с. 118].

Буржуазному обществу, вытеснившему Гогена из своей среды «мæ фыды уæзæг чи байста мæнаей», противопоставлен в стихотворении «милый его сердцу остров», который приютил художника и помог ему найти себя в новом качестве, раскрыть по-настоящему свои творческие возможности, создать уникальные полотна, вобравшие солнечные краски тропиков:

«Мæ чысыл хо Таити мын йæ арм
Фынгæн фæдартта, иу мæт дзы нæ зонын,
Фыдæхы маргæй расыгъдæг дæн ам» [11, с. 63].

Все драматические перипетии в судьбе Гогена, связанные с Полинезией, были еще впереди, а пока художник покидает остров с чувством благодарной любви и признательности. Созданию светлого настроения в стихотворении способствует и эпиграф, взятый поэтом из Гогена («Ноа-Ноа. Путешествие на Таити»; «Æз цауын, мæ азтыл ма дыууæ бафтыди, ссæдз азы та æрыгондæр фæдæн, афтæмæй»).

Тема трагической судьбы художника в разные исторические эпохи волнует и Ш. Ф. Джикаева, перу которого принадлежат поэма «Смерть художника» (1969), стихотворение «Тиран и песня».

В этих произведениях выражена мысль о вечном, непримиримом противоречии между личностью художника и властью тирании, о конфликте между свободным творчеством и насилием. Оценивая стихотворение «Тиран и песня» Ш. Ф. Джикаева, поэт А. М. Кодзати писал: «Пока зло и преступность царят на земле, пока будут препятствовать прогрессу, до тех пор останется актуальной мысль стихотворения “Тиран и песня”» [Цит. по: 14, с. 30]. Эти слова вполне характеризуют также идейный смысл поэмы «Смерть художника» из сонета «Ингрид».

Сонет «Ингрид» написан в импрессионистской манере: образ безвременно и трагически ушедшей из жизни Ингрид Йонкер строится на чисто внешних, изобразительных деталях, контрасте цвета и топов: золотые волосы девушки колышутся в синей пучине моря; бледный свет, излучаемый яхонтом в черной раковине моря, и т.д. Реальных черт духовного облика героини, признаков ее земного существования поэт не дает, если бы не эпиграф, трудно было бы догадаться, о ком идет речь. Правильную характеристику дал стихотворению Б. Р. Хозиев: «Стихотворение характеризует скорбь лирического героя, опечаленного известием об очередной жертве расизма» [18, с. 118].

Поэма «Смерть художника» имеет подзаголовок: «Читая “Тиля Уленшпигеля”». В основу сюжета лег небольшой эпизод романа, повествующий о казни испанской инквизицией фламандского скульптора-католика. Какой-то монах заказал ему вырезать из дерева изявные божьей матери. Не получив условной платы, художник исковеркал резцом лицо статуи, предпочитая лучше уничтожить свой труд, чем согласиться на позорную плату.

Монах обвинил художника в кощунстве, донес на него. И фламандца, подвергнув беспощадной пытке, присудили к сожжению заживо. Во время пытки ему сожгли ступни... Скульптор видел вокруг себя только враждебные испанские лица. Он вспомнил Фландрию, страну мужества и силы. Волоча за собою длинную цепь, он подошел к горящим связкам соломы и хвороста, встал на них и, скрестив руки на груди, воскликнул: «Так умирают фламандцы, рубите ноги испанским палачам, чтобы они не могли больше заниматься убийством! Да здравствует Фландрия!» [4, с. 78]. Сохранив основной конфликт: столкновение вольнолюбивого фламандца-патриота с испанской инквизицией и его исход – гибель художника на костре, – поэт изменил акценты повествования, доминанту характера. Герой его не скульптор, а живописец. Это дало возможность глубже раскрыть своеобразие духовного мира его как художника, воспринимающего *жизнь* главным образом через зрительные ощущения. Так он заклинает гармонию природы («æрдзы фидауцæн кувын») вдохнуть душу в его краски: просит силу, свет и тепло, красоту у солнечных лучей, сверкающих в каплях утихшего дождя; просит дать душе своей широкий простор долин Фландрии, а мыслям – высоту синих небес; ему нужен сок земли и золото колосьев, травы в утренней росе и голубые очи лужиц на оленьих тропах; он молит одарить его молочной белизной пушистых облаков и волнением лесов под утренним ветром; смех младенца на теплой материнской груди, жар девичьих тел, от загара золотистых, как пшеница, и сияние глаз – все цвета и оттенки природы стремится вобрать палитра художника.

Иные, нежели в романе о Тиле, мотивы побуждают художника уничтожить свою работу: холст с написанным ликом Христа он кромсает в знак отречения от того, чьим именем в мире прикрываются зло и лицемерие, жестокость и бесчестие. Обличая тиранию средневековой инквизиции, художник прославляет человека, который в мыслях и трудах, в борьбе за правду сам становится подобен богу.

Однако поэт сохраняет в своем герое такие черты его литературного прототипа, как любовь к родной земле, мужественная стойкость в смертный час, и поэтически раскрывает содержание скупых строк романа, героико-романтический характер художника. Глубоким лиризмом проникнуты строки, в которых описана тоска героя о родной Фландрии. Важную роль в них играет пейзаж. На чужбине, скитаясь по каменистым дорогам Испании, тесным улицам Мадрида, художник вспомнил милые сердцу картины:

«...Цæгаты
Кæрдæгджын райдзаст Фландрийы дæлвæзтæ,
Цæугæдоны был булæмæргъджын къох» [6, с. 65].

В этой картине вновь обращают на себя внимание красочные детали пейзажа, встающие перед умственным взором художника.

Характер героя раскрывается и с помощью портрета. Черты внешности отражают его социальное и имущественное положение: «фæлахс æмæ багънаг»; «иунагæй сындæг Цыдис фæллад, æнахæдзар нывгæнаг», – но более всего свидетельствуют о его внутреннем мире, о движении его души: «йæ цæсгомыл зынд удхар æмæ ныфс»; «нындыг нывгæнаг, цавдурау лæууы Чырыстыйы фæлгонцы раз сæркъулаей»; «нынкъуысты лæг, Йæ хъулон къухтæ армæ ысдартта...». Презрение к палачам, мужество и стойкость отразил последний портрет художника:

«Æнцад...
 Сæрыстырæй сæрсæфæнмæ ысхызти,
 Гæзæмæ бахудт мидбылты тызмæг,
 Æмæ йыл арт сауахсндæй ыекалди...» [Там же, с. 114].

Внутреннее состояние художника перед казнью выявляется через окружающую обстановку, портреты его врагов: на площади, где он любил бывать во время празднеств и корриды, собралась толпа: он встречал любопытные и жестокие взоры, суровые лица, – и страшное чувство одиночества охватило его, все ему здесь было чуждо: их речь, их брань, слезы, слабонервных женщин и даже камни, на которых стояли его сожженные в пытках ноги. Так, разнообразными художественными средствами создает поэт героико-романтический образ художника, любившего больше жизни свою родину и свободу.

В заключение приходим к **выводу** о том, что, разрабатывая тему искусства, писатели А. М. Кодзати и Ш. Ф. Джикаев в своих стихотворениях придерживаются уже сложившейся к тому времени традиции изображения художника как пророка, изгнанника, мученика. Образ художника у современных поэтов приобретает романтические черты: он одинок, борется с судьбой, противостоит свету, находится между небом и землей, разрывается между родиной и чужбиной, нигде не находя ни счастья, ни покоя.

Авторы углубляются в проблему соотношения художественного вымысла и реальной действительности при создании художественного произведения. Предметом художественного осмысления стихотворений А. М. Кодзати и Ш. Ф. Джикаева часто служат события непервостепенной важности в биографии выдающегося человека, однако обращение к ним вполне закономерно и получает убедительную художественную мотивировку. Писателей интересует не столько сам факт, сколько то, что скрыто за ним: внутренние причины поступков и нравственное самочувствие героев. В незначительных на первый взгляд явлениях писатели обнаруживают прекрасную возможность исследования внутреннего мира человека, возможность осветить его с новой или малоизвестной стороны.

Список источников

1. Ардов В. Е. Этюды к портретам. М.: Советский писатель, 1983. 360 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и этики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 502 с.
3. Бехер И. Р. О литературе и искусстве. М.: Худож. лит., 1981. 527 с.
4. Газдарова А. Х. Поэзия правды и любви: творческий портрет Шамиля Джикаева: монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. 208 с.
5. Джикаев Ш. Ф. Адресовано современникам // Социалистическая Осетия. 1978. 23 декабря.
6. Джикаев Ш. Ф. Ночные искры: стихотворения, баллады, поэмы / на осет. яз. Орджоникидзе: Ир, 1995. 335 с.
7. Дмитриева Н. А. Винсент Ван Гог. Человек и художник. М.: Наука, 1980. 404 с.
8. История всемирной литературы: в 9-ти т. М.: Наука, 1986. Т. 3. 816 с.
9. Кабулова Г. С. Развитие художественного пейзажа у подростков // Современные технологии обучения: сборник статей и тезисов. Владикавказ: СОГПИ, 2008. С. 101-112.
10. Кантор-Гуковская А. С. Поль Гоген. Жизнь и творчество. Л. – М.: Советский художник, 1965. 183 с.
11. Кодзати А. М. Сумерки / на осет. яз. Орджоникидзе: Ир, 1985. 175 с.
12. Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М.: Худ. лит., 1957. 519 с.
13. Никольский В. История русского искусства. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 304 с.
14. Писатель и время: сборник критических статей. Орджоникидзе: Ир, 1981. 251 с.
15. Роль искусства в поэтике литературного произведения: сборник научных трудов. Орджоникидзе: СОГУ, 1989. 191 с.
16. Суменова З. Н. Идеи интернационализма в осетинской литературе. Орджоникидзе: Ир, 1989. 249 с.
17. Турчин В. С. Эпоха романтизма в России. К истории русского искусства первой трети XIX столетия. М.: Искусство, 1984. 552 с.
18. Хозиев Б. Р. Жанровая специфика и ее особенности в современной осетинской поэзии // Дарьял. 2010. № 5. С. 117-125.

Artist's Destiny in Poetical Interpretation of the Modern Ossetian Writers (by the Material of Works by A. M. Kodzaev and Sh. F. Dzhikaev)

Kabulova Gayana Sogratovna, Ph. D. in Philology
 North Ossetian State Pedagogical Institute
 gajana77@mail.ru

The article considers specific interpretation of an artist's image in poetry of A. M. Kodzaev and Sh. F. Dzhikaev. The researcher's attention is focused on analysing the storylines and motives that contribute to revealing a lyrical hero's personality and character. Such an approach is conditioned by the choice of the research material – aesthetic and fiction works of the Ossetian writers. The poems under study reveal the authors' attitude towards the mortal world, tragic destiny of an artist. It is shown that creating poetical works devoted to world art figures, the Ossetian poets relied on national traditions but managed to introduce fresh, innovative interpretation.

Key words and phrases: artist's image; theme of art; work of fiction; modern Ossetian literature; A. M. Kodzaev; Sh. F. Dzhikaev; Torquato Tasso; Vincent van Gogh; Paul Gauguin.